

И.В. САВЕЛЬЗОН

Оренбургский государственный педагогический университет

ДВА НАРОДА ОДНОЙ СУДЬБЫ.
ЦИКЛ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА
«ДОБРО ВАМ!»

Путевые заметки В. Гроссмана, написанные в ходе путешествия в Армению в 1961-62 гг. спустя год после запрета «Жизни и судьбы», словно стремятся компенсировать утрату. Стремясь по жанру к философической повести, цикл «Добро вам!» по многотемности приближается к своему «старшему брату», великому роману. В статье проводятся и развиваются подмеченные Гроссманом и другими писателями-евреями сходства между культурой и историческими судьбами армянского и еврейского народов.

Огромное количество исторических параллелей в судьбах еврейского и армянского народов поразительно. Однако поразительно только для того, кто даст себе труд хотя бы однажды взглянуть на эту проблему, увидеть многотысячелетние пути двух народов со всеми их взлетами и провалами, счастьем и трагедией. Параллели эти не надуманны, — перечислим несколько. Разделение нации на страну — историческую родину (Армения и Палестина — государство Израиль) и многочисленную диаспору, концентрация духовной жизни нации вокруг города — древней столицы (в 1998 году Иерусалиму исполнилось 3000 лет, Ереван живет в 28-м веке своей истории), появление горы в качестве национального символа, приобретающего универсальный метафизический смысл (Арагат и гора Сион). Интересны чисто языковые совпадения, возникающие в двух древних языках: на иврите часть народа, находящаяся в изгнании, называется словом «галут», на армянском языке — «гахут», рынок обозначается соответственно «шук» и «шука», магазин — одинаково — «ха-нут» и т.д. Знаменитый Старый город Иерусалима, вместивший в себя великие святыни трех мировых религий, поделен на четыре квартала, и четвертый, кроме еврейского, христианского и мусульманского, — армянский квартал. Издающийся В. Варжапетяном в Москве альманах армяно-еврейской дружбы носит прекрасное название «Ной» — по имени еврея, причалившего к горе Арагат.

Совпадения все это или закономерности — вряд ли стоит серьезно ставить этот вопрос и искать ответа на него. Однако следует вспомнить слова Юрия Карабчиевского, пришедшие к нему перед ереванским памятником жертвам геноцида армянского народа: «И тут я впервые понимаю отчетливо, прямо в сердце меня укалывает эта мысль, в чем подлинная суть родства между мной и ими, того родства,

о котором мне столько раз пытались сказать армяне и которое я сам чувствую в себе постоянно. Нет, не древние культуры, разве знатность происхождения может служить основой любви? И не национальная особенность, откуда она у меня, никогда не бывало. Нет, главное здесь в другом: духовное родство оставшихся в живых. Естественная близость и понимание и взаимное утешение все потерявших, но оставленных Богом жить для какой-то Ему лишь ведомой цели. Это близость и родственность Иова — Иову, это притяжение сироты к сироте. Два миллиона армян и шесть миллионов евреев, разные цифры — и одна цифра: две трети населения и там и тут. /.../ Кровь и величайшие в мире несчастья роднят евреев с армянами, как не могут роднить никакие блага» (повесть «Тоска по Армении»)¹. Карабчиевский говорит здесь о геноциде армян в Турции в 1915 году, но через десять лет после создания повести, уже в 1988 году, армянский народ настигли новые несчастья — землетрясение в Ленинакане и страшные погромы в Сумгаите, Баку, Степанакерте...

Путевые заметки «Добро вам!» были написаны Василием Гроссманом по следам двухмесячного пребывания в Армении зимой 1961-62 годов. Записки, предназначавшиеся для «Нового мира» Твардовского, не были тогда напечатаны, а публиковались со значительными купюрами в журнале «Литературная Армения» (1965, №№ 6-7) и в сборнике «Добро вам!» (издательство «Советский писатель», 1967). В полном варианте они увидели свет только на страницах журнала «Знамя» в 1988 (№ 11).

Основным принципом построения цикла — принципом композиционным, простирающимся именно из способа мышления автора, из масштабов его мировидения, — является постоянный переход от конкретики увиденного к философскому обобщению. Каждая точка человеческого бытия размыкается у Гроссмана в универсальное пространство законов, управляющих жизнью — в последовательном перечислении — человека, народа, государства, человечества, планеты, Вселенной. Единица отсчета, единица масштаба мироустройства для автора «Жизни и судьбы»² — человек.

Еще из окна вагона автор видит Армению такой: «...каменное поле; гора умерла, её скелет рассыпался по полю. Время состарило,

¹ *Карабчиевский Ю.* Тоска по Армении // Его же. Тоска по дому. М., 1991. С. 294.

² Кстати, горькая история с «Жизнью и судьбой» вкратце и единожды упоминается в «Добро вам!» — как постоянный, хотя и не называемый более фон событий: удивившее Гроссмана безразличие к его фигуре в Армении местных литераторов для него — «следствие моих литературных бед: моя новая книга вызвала гнев редакторов, не напечатана...»

умертвило гору, и вот лежат кости горы». Уже здесь — основные мотивы цикла: Времени (оппозиции *древнее — новое, современное*), Жизни (*живое — мёртвое, человек — камень*), Родства (*своё — чужое, непривычное*), объединенные философским ощущением преодолимости барьеров между древностью и современностью и живой и неживой природой, своим народом и другими. Человек все может понять, объять своим разумом; он — главное во Вселенной, нет силы выше, могущественнее — но и ответственнее человека. Таким образом, главное понятие, объединяющее всю структуру — художественную и философскую — записок «Добро вам» — это понятие «Человек».

Человек и — автор, поэтому он не стыдится заземлить повествование «житейскими» деталями, вроде рассказа о своих ощущениях приближающейся смерти после крепкой гулянки, когда он просыпается в ночной темноте; больше того: эти моменты заземлений повествования органично играют на утверждение основных принципов повествования, являющихся и основными принципами гроссмановской художественной философии. (Одна из редакций называлась «Записки покинутого человека».)

Следует отметить и многотемность этих, казалось бы, отрывочных путевых заметок литератора, несколько недель проведшего в незнакомом до того краю. Среди основных тем — внешне разнородные

- ✓ тема России и русских людей, русского образа жизни,
- ✓ рассуждения о самоубийствах,
- ✓ тема Истории как развития Свободы,
- ✓ свойства человеческого характера — имманентные и наносные, индивидуальные, народные и общечеловеческие,
- ✓ проблема национального характера вообще,
- ✓ культ личности Сталина и ролевые масштабы личности в истории,
- ✓ размышления о природе армянского национального характера и о постыдной искаженности образа армянина в бытовом сознании советского человека,
- ✓ о природе национализма, учение о двух видах национализма: малого народа, «оборонительном» — и многочисленного и сильного, «наступательном».

Из спектра перечисленных тем остановимся на тех, важность и предсказанность которых в современности наиболее наглядны. Представляется, тем не менее, опасным принять сказанное Гроссманом лишь на счет двух народов, армянского и еврейского: это темы, связанные с национальным своеобразием, самобытностью — но и в провозглашающие их неотменимую включенность в общечеловеческий контекст.

Да, у армян и евреев очень много сходного — и в частности, неизбывная трагедия народа в его памяти. Писатель Мартиросян, принимавший Гроссмана в Армении, привез того на свадьбу племянника в горное село. «Мать жениха, высокая старуха с изможденным лицом, обняла Мартиросяна, они поцеловались и заплакали. Они плакали не потому, что сын женился и уходил от матери, они плакали потому, что неисчислимы потери, страдания, выпавшие на долю армян, потому что нельзя не плакать о страшной гибели близких людей во время армянской резни, потому что нет в мире радости, которая могла бы заставить забыть народное страдание, забыть родную землю, лежащую по ту сторону Арарата. А барабан гремел победно-оглушительно, лицо носатого барабанщика было неумолимо весело: что бы ни было, жизнь продолжается, жизнь народа, идущего по каменной земле».

Однако мысль писателя не останавливается на этой констатации. Гроссмана занимает также вообще проблема национального характера. «Человеческий характер — основа национального. Национальный характер — это окраска, цвет человеческого характера, кристаллическая форма человеческого характера.

Общение людей различных наций обогащает, делает более красочным человеческое общежитие. Необходимым, первым, главным условием такого богатства является **свобода**».

Прямая переключка с идеями опального романа «Жизнь и судьба» заключается и в провозглашении свободы от какого бы то ни было национального насилия, от разделения народов, от включения их в нисходящие или же восходящие классификации. Эти философские обобщения следуют за постановкой вопроса, — постановкой, произведенной на примере образа псевдоармянского национального характера — характера усеченного, глупого и обидного, смоделированного общественным сознанием и усилиями индивидов — заметных деятелей культуры и искусства. И вновь у советского писателя-еврея хватает духовной силы почувствовать чужую боль как свою собственную. «И тут мне приходят в голову ходячие представления об армянах, бытующие в жизни не только русского лабаза, армянские анекдоты — глупые и ошеломляюще сальные. Ну конечно, армяне примитивны, педерасты, торгаши, смешные людишки из анекдотов. Ну конечно: «Карапет мой бедный, почему ты бледный». Ну конечно, и по сей день — вопросы и ответы армянского радио... И бесчисленные анекдоты: «Скажи, пожалуйста, Карапет...» И со смешком, с усмешечкой произносимые слова: «Наш профессор, знаете ли, армянин», «Представьте, пошла замуж за армяшку...»

Горько, что самая великая литература Земли и величайшие представители этой литературы иногда прикладывали руку к недоброму

делу создания ходячего образа армянина — торгаша, сластолюбца, хапуги.

Как могло случиться, что великая литература работала на лабаз, на туполобое, шовинистическое человеконенавистничество?

Только во времена Гитлера, после него во весь свой страшный рост встали вопросы национальной ненависти, национального презрения, национального превосходства».

Национализм — в том смысле, в котором этот термин употребляется в цикле «Добро вам!», а не современными разжигателями межнациональных распрей, с прозрачным лукавством толкующими его как безобидное «народничество», — национализм, говорит Василий Гроссман, представляет собою особую опасность, поскольку способен охватывать своим безумием — вслед за преследователями — и гонимых. Писатель отмечает услышанные им преувеличения в оценке некоторыми армянскими интеллигентами фактов армянской культуры. «Мои собеседники, сами того не замечая, обедняли свои души и сердца тем, что переставали радоваться поэзии, величию науки, а видели в поэзии и науке лишь средство утвердить свое национальное превосходство. Это стремление бывает так фанатично, узко, что минутами кажется проявлением безумия.

Но я понимал, что виновны в этом чрезвычайном утверждении национального армянского характера прежде всего те, кто на протяжении долгих веков попирали достоинство армян. Виновны в этом турецкие убийцы, лившие невинную армянскую кровь, виновны завоеватели-ассимиляторы. Виновны в этом и шутники-рассказчики армянских анекдотов...»

Поэтому национализм, переходящий за грань «люби свое!» и обращающийся в свою противоположность — «ненавидь чужое!» — способен в своей заразительности породить два штамма: «оборонительный», национализм малого народа, — и «наступательный», национализм народа многочисленного и сильного. Гроссман решительно указывает на первопричину, лежащую, по его убеждению, в основе обоих видов — это глубинное чувство собственной ущербности, человеческой неполноценности.

«Двадцатый век столкнулся с невероятным преувеличением значения национального характера. Это преувеличение допускают и великие и малые нации. Но провозглашение национального превосходства многочисленного и сильного народа, способного создать миллионные армии и владеющего грозным оружием, сулит миру завоевательные, несправедливые войны, порабощение племен и малых народов земли.

А националистический экстаз малых угнетенных народов возникает как средство обороны достоинства и свободы.

И все же при всем различии национализма нападающих и национализма обороняющихся оба эти национализма во многом сходны.

С коварной легкостью теряет национализм малого народа свою человеческую, благородную основу. Он не становится от этого грозным, но он становится жалким, не возвышает, а унижает. Так, стремясь доказать чужую неполноценность, человек обнаруживает свою собственную».

Сказать, что Гроссман выписывает рецепт от рецидивов национального экстремизма, нельзя. В конце концов, как воскликнул однажды о писателях Александр Герцен, «Мы не врачи, мы — боль!» Но и сказать, что к его предостережениям отнеслись ответственно — хотя бы после того же 1988-го года, принесшего читателю в журнале «Знамя» цикл «Добро вам!», — нельзя. Поистине в духе метафизического парадокса Гроссман из самых внешне простых предпосылок выводит крайне жгучие и сложные философские векторы: «Поистине пора признать, что все люди братья.

Реакция всегда стремится отсечь, уничтожить человеческую основу, человеческую суть национального характера, всегда выдвигает и провозглашает бесчеловечную внешнюю сторону его, шелуху, а не зерно.

Реакция, консерваторы стремятся, провозглашая национализм, искоренить гуманную, человеческую основу его. Утверждая превосходство национального характера, реакционный национализм признает лишь внешнее, что общо жизни нации, и уничтожает то глубинное, что свойственно людям. Реакция обоготворяет черты национального типа, и это обожествление национального и пренебрежение к человеческой сути так же нелепы, как уродливая и издевательская типизация образа армянина русским лабазом, — суть едина, лишь знак минус меняется на знак плюс.

Борьба за национальное достоинство, за национальную свободу — это прежде всего борьба за человеческое достоинство, за человеческую свободу; те, кто борется за истинную национальную свободу, борется против обязательной типизации, против обоготворения национального характера, независимо от того, со знаком ли плюс или со знаком минус. Истинные борцы за национальную свободу — это те, кто утверждает великое разнообразие и богатство человеческих характеров данной нации, отбрасывает нищету типичности».

Жизнь, по Гроссману, вообще сложна — однако тем и прекрасна. Любители давать решительные указания и мгновенно разрубать любые жизненные узлы, буквально, герои не его романов. Красота и сча-

стью бурлят в широком, беспредельном потоке Жизни наперекор стиснувшим его каменным берегам Судьбы. Жизнь двух народов удивительно высокой и трагической Судьбы оказалась удивительно похожа. В применении к национальной принадлежности творчества Гроссмана ныне звучат термины «русский писатель», «еврейский писатель», «русско-еврейский писатель», «русский писатель еврейской судьбы»...³ Нам же представляется, что Гроссман в романе «Жизнь и судьба» преодолевает эту онтологическую двойственность и приходит — нет, не к великому космополитизму, но к высокому универсализму философских суждений, несравненно более гуманистических и национально одаренных, чем убогие крики пресловутого типа «бей — спасай!»

На свадьбе в селении, расположенном на склоне горы Арагац, все притихли, внимая словам «худого седого мужика в старой солдатской гимнастерке. Редко я видел лица суровее этого темного, каменного лица. Мартиросян шепнул мне: «Колхозный плотник, он обращается к вам». Гроссман не понимал по-армянски, но ему перевели слова этого человека. «Он говорил о евреях. Он говорил, что в немецком плену видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных. Он рассказал мне, как были убиты его товарищи евреи. Он говорил о своем сочувствии и любви к еврейским женщинам и детям, которые погибали в газовнях Освенцима. Он сказал, что читал мои военные статьи, где я описываю армян, и подумал, что вот об армянах написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий. Ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа. За это он и пьет свой стакан водки.

Все люди поднялись со своих мест, мужики и бабы, и долгий, тяжкий гром рукоплесканий подтвердил, что армянский народ полон сочувствия к еврейскому народу.

Потом выступали, обращаясь ко мне, старики и молодые. Все они говорили о евреях и армянах, о том, что кровь и страдания сблизили евреев и армян.

Я услышал от стариков и молодых слова уважения и восхищения, обращенные к евреям, к их трудолюбию, уму. И старики убежденно называли еврейский народ великим народом...

Не раз приходилось мне слышать от русских простых и интеллигентных людей слова сочувствия к мукам, постигшим евреев во время гитлеровской оккупации.

³ См. об этом в работах Л. Аннинского, А. Бочарова, а также в книгах: *Елина Н.* Василий Гроссман. Иерусалим, 1994; *Маркиш Х.* Уроки Василия Гроссмана. Иерусалим, б/г.

Но иногда сталкивался я и с черносотенной ненавистью, переживал ее душой и шкурой своей. Случалось мне слышать черные слова, обращенные к истерзанному Гитлером еврейскому народу от пьяных в автобусах, в очередях, столовых. Мне всегда было больно, что наши лекторы, пропагандисты, работники идеологического фронта не выступают с речами и книгами против антисемитизма, как выступал Короленко, Горький, как выступал Ленин.

Никогда никому я не кланялся до земли. До земли кланяюсь я армянским крестьянам, что в горной деревушке во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, кланяюсь всем, кто торжественно, печально, в молчании слушали эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне. Кланяюсь за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза бросали сегодняшние охотнорядцы слова презрения и ненависти: «Жалко, что Гитлер всех вас не прикончил».

До конца жизни я буду помнить речи крестьян, услышанные мной в сельском клубе».

Небольшой по объему художественно-публицистический цикл Василия Семеновича Гроссмана назван «Добро вам!» Эти слова представляют собою дословный перевод армянского приветствия, звучащего «Барев дзес!» Так же приветливо звучат и слова иврита «Шалом алейхем!», означающие «Мир над вами!», и русское пожелание здоровья — «Здравствуйте!» Пусть же трагические испытания двух народов, вынесших столь страшную ношу за тысячелетия своей древней истории и в ушедшем веке, не повторятся в жизни ни одного народа обновляющейся и многострадальной России, ни одного народа мира.